

Малахов Сергей Алексеевич, Боранов Сергей Сергеевич
Самарский государственный технический университет
Malakhov Sergey, Boranov Sergey
Samara State Technical University

ДОМ, ГОРОД, БАЗИЛИКА: МЕТАМОРФОЗЫ ИНВАРИАНТНОГО КОДА В СТРУКТУРЕ
АРХИТЕКТУРНОГО ПЛАНА
HOUSE, CITY, BASILICA: METAMORPHOSES OF THE INVARIANT CODE IN THE STRUCTURE OF THE
ARCHITECTURAL PLAN

В статье анализируется структура архитектурного плана с позиции влияния на него инвариантных кодов, присущих одновременно таким типам объектов - как дом, город и базилика. Наличие инвариантного кода гарантирует своего рода топологическую устойчивость структуры, невзирая на эксперименты с формой объекта. Представление о топологическом построении складывается на основе аналитических диаграмм, совмещаемых с изображениями планов. Разрушение или девиации кода вызывают вопросы по поводу возможности эффективного функционирования во всех подсистемах объекта. С другой стороны, именно намеренные эксперименты с планом, открывают нам путь к преодолению нормативного сценария архофункции в интересах пространственного приключения и новых «архитектурных историй».

The article analyzes the structure of the architectural plan from the standpoint of the influence of the invariant codes that are simultaneously inherent in such types of objects as a house, a city and a basilica. The invariant code guarantees a kind of topological stability of the structure, regardless of the experiments with the shape of the object. The idea of architectural topology is formed on the basis of analytical diagrams combined with images of plans. The destruction or deviation of the code raises questions about the possibility of effective functioning in all subsystems of the object. On the other hand, it is deliberate experiments with the plan that open the way for us to overcome the normative scenario of archofunction in the interests of spatial adventure and new "architectural stories".

Ключевые слова: дом, город, базилика, инвариантный код, структура плана, топологическая устойчивость структуры, архофункция, формальная трансформация плана.

Keywords: house, city, basilica, invariant code, planning structure, topological stability of structure, archofunction, formal transformation of the building plan.

1. Дом и город. Многозначность понятий.

Город, как определяет А. Боков¹ в своей статье, написанной в начале 1980-х, представляет из себя устойчивый комплект элементов, обозначаемых такими терминами, как улица, дома, площадь, перекресток, храм, монумент, городские стены и ворота. Со своей стороны, укажем на возможность определения тройного содержания этих терминов и понятий: прямого (дословного), инвариантного и иносказательного [1].

Прямое содержание указывает, что в любом городе, чья форма и структура соотносятся с традицией, существуют именно эти элементы, причем организованные иерархически: как главная улица, главная площадь и главный храм.

¹ Боков А.В. здесь поддерживает дискурс постмодернистских дискуссий 1970-х, инициированный Леоном и Робом Крие и акцентирующий идею возвращения к историческим традициям застройки европейского города.

Инвариантное значение этих терминов и понятий определяется возможностью проследить структурные особенности любого объекта как тождественные указанным элементам городской формы, придавая им значение инварианта с условным названием - «элементы городского кода». И поэтому дом становится своеобразной версией города, благодаря воспроизведению этого инвариантного кода, но в виде элементов, ассоциируемых с формой и топологией элементов инварианта (рис.1).

Иносказательное содержание характеризуется наличием метафизических ассоциаций, обусловленных визуальным и функциональным содержанием инвариантных элементов. И в этом смысле термин «улица» отсылает нас к представлению о пути, в свою очередь, ассоциируемым с вектором судьбы или странствий. То же относится к терминам и понятиям «дом», «ворота», «храм», «перекресток».

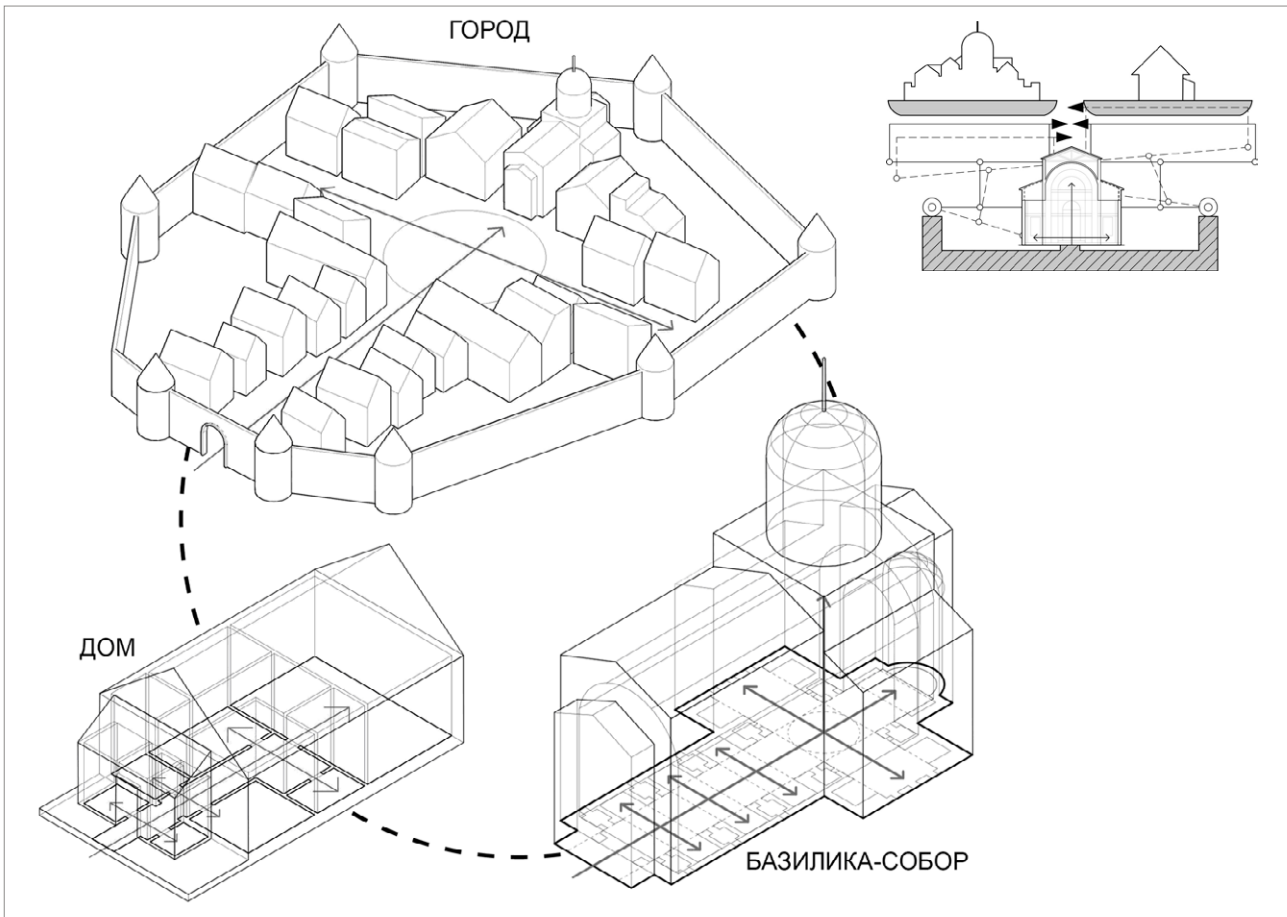

Рис. 1. Дом, город и базилика три элемента с универсальной структурой. Схема механизма весов Беранже символически представляет базилику в центре взаимоотношений между двумя крайними архитектурными оппозициями – домом и городом – так как именно размер базилики позволяет максимально проявить эффективные свойства универсальной иерархической структуры объекта.

2. Дом – это город, а город – это дом.

Подобное перетекание смысловых коннотаций отмечается Аланом Колкьюхауном в статье, посвященной структуралистской концепции Хермана Херцбергера на примере его проекта “Centraal Beheer”² (рис. 2).

Два типа структуры: иерархическая и свободная

На самом деле, в приведенном анализе Колкьюхаун поднимает широкий, и одновременно специфический блок проблем, охватывая не только взаимоотношения парадигм дома и города, рассматриваемых с довольно предвзятых позиций, но и такие концептуальные аспекты профессии, как спор сторонников жесткой иерархии и свободы [2].

Иерархия плана, зонирование и предписанная целесообразность частей была присуща жизнестроительным концепциям сообщества

² С точки зрения Колкьюхауна, Херцбергер не являлся функционалистом и жизнестроителем, подобно Ле Корбюзье, а стремился представить пользователям свободу в рамках заданной архитектором структуры.

модернистов, с некоторой неосторожностью возглавленного Ле Корбюзье, впоследствии все же изменившего свое отношение к жестким моделям «правильной архитектуры» просто в силу своего художественного таланта. Колкьюхаун пишет: «В 1920-х и 1930-х годах считалось, что могут быть установлены всеобщие потребности человека, и поэтому различные части здания должны соответствовать именно этим потребностям. Архитекторы *Neue Sachlichkeit*³ считали, что

³ «Новая объективность» или «Новая вещественность» – движение в немецком искусстве, возникшее в 1920-х годах как реакция против экспрессионизма. Этот термин был придуман Густавом Фридрихом Хартлаубом, директором Kunsthalle в Мангейме. Новая объективность – это термин, используемый для характеристики отношения общественной жизни в Веймарской Германии, а также к искусству, литературе, музыке и архитектуре, созданной для адаптации к ней. Вместо какой-то цели философской объективности она должна была означать поворот к практическому взаимодействию с миром, а именно: деловое отношение, культ цели, жесткий факт, склонность к функциональной работе, профессиональная добросовестность и полезность.

единственная задача архитектора лежит в аналитической деятельности, но те, кто, как и Ле Корбюзье, были наделены более тонким складом ума, поняли, что за удовлетворением «всеобщих» потребностей, лежала обширная область метафор и поэзии, которая была доступна всем, но архитектор, через его контроль формы, наиболее подходит для ее воплощения. Поэтому формообразующая роль архитектора рассматривалась как художественное творчество, направленное на увеличение благосостояния клиента» [2].

Взаимоотношения города и дома – идеи, пришедшие в критическое пространство архитектурной теории вновь, спустя шесть с лишним веков с того момента, как появилось сформулированное определение Альберти, что «здание – небольшой город, и город – большое здание» [3].

Алан Колкьюхаун: концепция модуля как нового типа структурной организации в «духе Херцбергера» – потенциал самоорганизации за счет отсутствия иерархии

Колкьюхаун определяет две принципиальные формулы архитектурной деятельности, которые интегрируются в сюжет с новым типом здания, «радикально изменившим масштаб окружающей среды». Этот новый тип можно назвать «модулем», и он будто бы не имеет «никаких прямых прототипов», считает Колкьюхаун, Природа «модуля», или «формула № 1» – иерархическая система, «функциональный детерминизм» (основана на «биологической аналогии»), или «формула №2» – «формальный волюнтаризм». Одновременно обе эти формулы «отвергаются теми, кто видят здания как потенциально саморегулируемую систему». И в этом смысле Hertzberger в числе сторонников подобных систем, воспринимаемых как альтернатива двум выше приведенным «формулам Модуля».

«Модуль по Херцбергеру» – возвращает нас к концепту Альберти и «интерпретирует здания как маленький городок». «Архитектор не должен пытаться установить модель поведения или конкретные формальные иерархические структуры, но должен сосредоточиться на представлении возможности целеустремленным» [2]. Для осуществления своего замысла в неиерархические построения объекта Херцбергер создает универсальную структуру из одинаковых клеток площадью девять квадратных метров, связанных мостами и промежуточными пустотами, играющими роль общественных «городских пространств».

Рис. 3. План Dipoli Zenrum Otaniemi, арх. Raili and Riema Pietila План центра в Otaniemi соединяет формальную свободу, ассоциативные ссылки на иконический прообраз с почти античной идеей города, вписанного в богатый природный ландшафт и ясно сформулированную иерархическую структуру.

«Маленький городок» Херцбергера напоминает средневековые лабиринты, «городские» и «домашние» одновременно. Здесь, действительно, присутствие иерархии становится не столь ощутимым, как в объектах с жестким функциональным зонированием, а вернее – в объектах с выраженной ролью симметрии и центральных элементов «города».

Неисчезающий инвариант структуры

Но все же, Колкьюхаун заблуждается, пытаясь провести жесткую границу между «разными типами дома-города»: вне иерархии, наполовину скрытой как у Херцбергера, или выявленной как в случае, например, с проектом Dipoli Zenrum Otaniemi (Raili and Riema Pietila, 1966) (рис. 3), или реализованным проектом Calver Passage в Штутгарте (Kammer and Beltz and Partner, 1975 -1978) (рис. 4) [4].

Стараясь все же обеспечить преэминентность инвариантной формулы «Дом-Город», несмотря на попытку противопоставления разных типов «маленького города» внутри «большого дома», Колкьюхаун ищет и находит аналогии с проектом Херцбергера, структурно относящиеся скорее к плану базилики, чем к типологии «городов-лабиринтов». «Несмотря на то, – пишет автор, – что такие здания не строил никто раньше в таких масштабах, и с такой последовательностью и вниманием

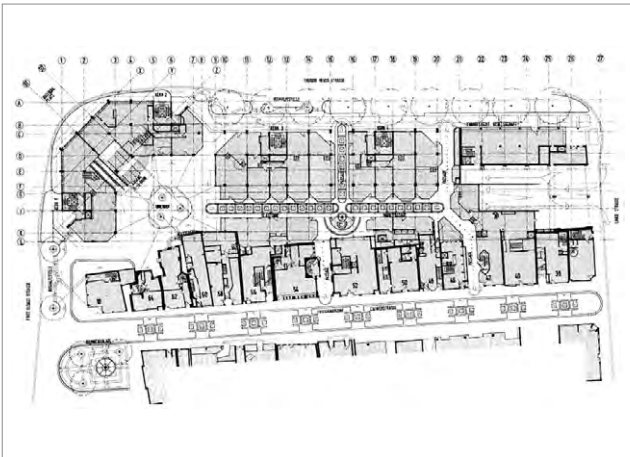

Рис. 4. План Calver Passage в Штутгарте, арх. Kammer and Beltz and Partner. План пассажа не уклоняется от абсолютного воспроизведения структуры плана базилики, но преодолевает ее жесткую симметрию за счет интеграции элементов реального средневекового города.

к деталям, можно найти частичные прототипы этого здания. В офисном здании компании Ларкин, построенным архитектором Фрэнком Ллойдом Райтом, огромное офисное пространство сконцентрировано вокруг большого холла, который освещается сквозь здание. Двусмысленность между внутренним и внешним пространством проглядывает в многочисленных галереях восемнадцатого и девятнадцатого веков по всей Европе, также, как и контраст в масштабе маленьких помещений и общественного пространства, из чего выходит модель улицы в городе» [2]. Собственно, именно модель улицы и площади – ключевых общественных пространств города – реализует Херцбергер в ряде своих других проектов, в первую очередь, в зданиях школ.

Далее Колкьюхаун в качестве прототипов и аналогов, сближающих проект Херцбергера одновременно с «городом-лабиринтом» («городом-структурой») и «городом-базиликой» приводит в пример проекты Луиса Кана («Кан заново представил принцип эпохи Возрождения, согласно которому пространство возникало из секций, подчиненных «конкретной» структуре»), Ле Корбюзье (неосуществленный проект госпиталя в Венеции), Альдо ван Эйка (Детский дом в Амстердаме).

При всем уважении к попыткам Херцбергера отстраниться от «архитектуры впечатления» и перейти «к архитектуре пользы», в оценке критиком степени решения всех ключевых взаимоотношения города и дома, внешнего и внутреннего, впечатления и пользы, Херцбергер не всегда выигрывает по сравнению с другими авторами, в то время, как другим авторам – приходится преодолевать все эти препятствия метода. У «структуры» Херцбергера, например, с трудом обнаруживается главный вход; может быть, он этого и хотел, но по факту – этот результат скорее следует отнести к списку проблем.

Далее мы наблюдаем следующий интересный эффект. Во-первых, структурность, когда она перестает формулироваться на уровне метафоры («структурного образа»), как у Херцбергера, причесца любой организованной архитектурной форме. В случае с методом Херцбергера «структура» просто пытается играть роль материализованных пустот, всегда будто бы готовых выполнить вновь назначенное функциональное наполнение, скрывая при этом иерархию – существенный принцип универсальности. В противоположном жанре, как например в творчестве Хуго Херинга, структура

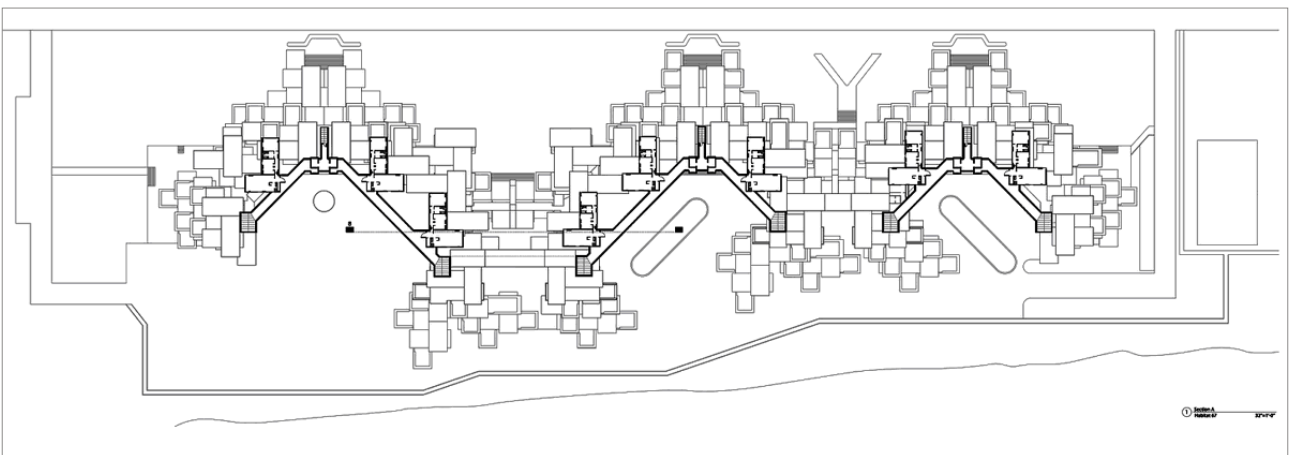

Рис. 5. План проекта «Хабитат», арх. Моше Сафди. Воплощенная третья часть задуманного проекта может рассматриваться как самостоятельная иерархически организованная система. Но в случае полной реализации трех связанных и одновременно самодостаточных систем, понадобилась бы система более общего уровня со своей собственной иерархией.

целиком скрыта за развернутой картиной «функциональных предназначений» слишком индивидуализированных по форме «пустот». Но и здесь она существует, но лишь в виде кода, утаенного под многочисленными слоями «выращенной» Херингом формы [4]. Понятно, что чем более индивидуализирована форма, тем менее она будет готова к адаптации сменяющихся функциональных сценариев. Однако, сама структура, включая иерархический код пространства, все равно продолжает существовать. Для ее обнаружения необходимо провести соответствующие графические манипуляции с планом.

Мутация «структурного образа» Херцбергера в «структуру базилики»

Во-вторых, «структурный образ» Херцбергера, инициирующий дискуссию об инвариантности плана, будучи включенным в процесс игровой трансформации, может постепенно, сменяя множество формальных сюжетов, привести нас к плану традиционной базилики, структурность которой визуализирована в более правдивой версии универсальности без особых претензий на соответствующий «художественный образ»⁴.

Таковыми «промежуточными» сюжетами могут быть, «Хабитат» Моше Сафди (рис. 5), план «Дома для сирот» Альдо ван Эйка (выявление иерархии за счет системы «форумов-площадей») (рис. 6), план «Children's Center for Psyciatric Rehabilitation» Соу Фуджимото (спонтанное нарушение ортогональной системы квадратных модулей «структуры Херцбергера») (рис. 7), план «Dipoli Zentrum» Рейли и Реитемы Пиетила (экспрессионистское игровое очертание «главной улицы» и периметра) (рис.3), план Калвер-пассажа в Штутгарте (сближение с «простой структурой» базилики) (рис.4) [4]. Понятно, что подобные трансформации – есть результат воображаемого действия и напоминает метаморфозы, происходящие с личинкой, гусеницей, куколкой, превращающихся постепенно в чудесную бабочку (имаго). Живое существо при этом, как мы знаем, остается одним и тем же⁵.

4 Взято в кавычки, так как как мы не думаем, что художественные амбиции Херцбергера могли быть в приоритете по отношению к осмысливаемой им новой концепции «правильной» организации пространства.

5 Перед появлением новой бабочки, проходит определенный цикл метаморфоз с личинкой и гусеницей. Это просто невероятный механизм превращения, разработанный самой природой. Чтобы гусеница превратилась в бабочку, она переваривается с использованием ферментов, продуцированных гормонами. Затем спальные клетки (похожие на стволовые) превращаются в части тела будущего насекомого.

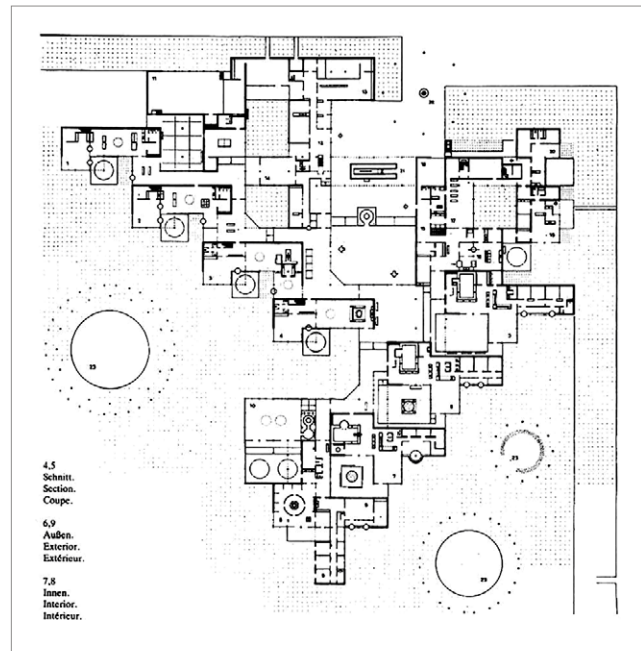

Рис. 6. План «Дома для сирот», арх. Альдо ван Эйка. Характер плана демонстрирует сходство с деревом и его кроной. Лабиринтные построения коммуникаций не нарушают иерархии «ствола» и «веток», но порождают соблазнительные намеки на сказку и атмосферу родного дома.

Таким образом, в путешествиях, осуществляемых методом на дистанции между домом и городом, повсеместно присутствует «дух инвариантной структуры», как если бы у разных бабочек, порхающих на лугах, существовала одна гусеница-прародитель. Удобно и даже оправданно считать этим инвариантом базилику. Удобно просто в силу того обстоятельства, что базилика воплощена в нашей реальности как более универсальный архитектурный модуль среды, чем все остальные. Это воплощение универсальности проявляется в следующих очевидных чертах: 1) простой образ закрепленной материально иерархии пространственных ячеек; 2) центральный неф, а по сути – улица, и алтарь, а по сути – площадь, сообщающие нам, что базилика – это одновременно и город; 3) стены, крыша, купол и фасад, – свидетельствуют, что базилика также является домом. 4) базилика обладает размером и формой, позволяющими применять ее далеко не только как публичное пространство, подобное форуму или храму, но и в качестве любых функциональных «модулей», включая фабрику, госпиталь и отель. 5) формальная и даже масштабная трансформация базилики не ведет к утрате ее структурного кода.

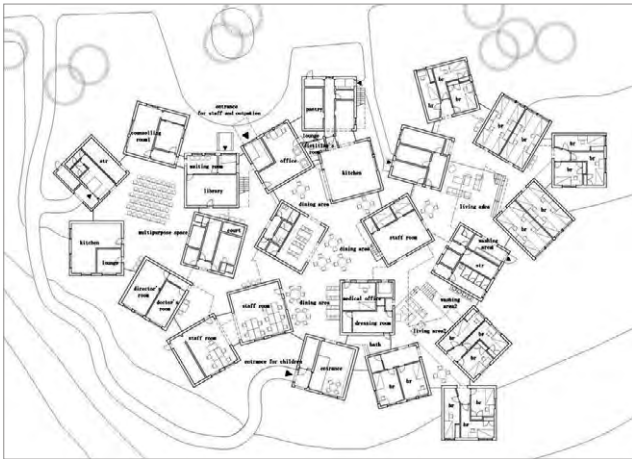

Рис. 7. План Children's Center for Psychiatric Rehabilitation, арх. Соу Фуджимото. Главный перекресток коммуникаций искусно прячется автором с тем, чтобы не напоминать маленьким клиентам о разрушающей психику формальной жесткости иерархической структуры. Игра в пространство становится более актуальной, чем его целенаправленное применение.

3. Структура базилики как идея инвариантного кода

Рассмотрение темы, связанной с идеей базилики как инвариантной модели архитектурного структурного кода, определяется в следующей последовательности: 1) анализ структуры базилики как инварианта универсального построения пространства архитектурного объекта; 2) стабильность топологической конструкции инварианта при изменении размеров, типологии и формы объекта; 3) план базилики и диаграмма, демонстрирующие устойчивость инвариантной структуры; 4) парадоксы и привлекательность формального эксперимента в аспекте архофункции как феномена проектного поиска; 5) компромисс инварианта и новой формы как способ эффективного синтеза архофункции.

Структура базилики как инварианта универсальной организации пространства архитектурного объекта

Как уже отмечалось выше, базилика демонстрирует тип устойчивой структуры, характеризуемой присутствием универсальных элементов и взаимосвязей, присущих деятельности человека (рис. 8, 9). Специальная диаграмма в виде связанных векторов, совмещенных с планом, показывает, что и у структуры базилики, и у организации нашей деятельности – общими элементами являются: 1) путь к главной цели; 2) начало движения (вход); 3) перекресток (точка выбора дальнейших

действий); 4) боковые (параллельные и поперечные) ответвления и второстепенные цели; 5) объекты, сопровождающие движение к цели; 6) главное пространство; 7) главный объект (главная цель).

При воспроизведении этой структуры в процедурах деятельности и в пространстве базилики открывается феномен взаимной метафоризации деятельности и пространства: деятельность, выстроенная в соответствии с идеей достижения цели, становится метафорой движения к алтарю и соответствующей организации пространства базилики, а пространство базилики, демонстрирующее организацию последовательного движения к алтарю, выступает как метафора целеполагания в деятельности. В результате подобного сопоставления деятельности и пространства одновременно артикулируются иерархические выстроенные жизненные и архитектурные смыслы. Доминирующим принципом подобной артикуляции является принцип целеполагания.

Сохранение топологической конструкции инварианта при изменении размеров, типологии и формы объекта

Топологические характеристики структуры базилики определяются неразрывностью взаимосвязанных векторов и пространств вышеописанной диаграммы, а также сохранением иерархии размеров главных и второстепенных путей, пространств и объектов. Инвариантные свойства структуры базилики гарантируют сохранение топологической конструкции инварианта при изменении размеров, типологии и формы объекта. Для подтверждения устойчивости топологической конструкции базилики авторами настоящего исследования были проведены эксперименты с трансформацией моделей структуры, выполненных из разных материалов. Эксперименты подтвердили тезис о том, что именно сохранение неразрывности инвариантной топологической конструкции обеспечивает возможность экспериментировать с формой и типологией без опасений утратить гарантии функциональной эффективности объекта.

План базилики и диаграмма, демонстрирующие устойчивость инвариантной структуры

План является основной проекцией, актуальной для демонстрации устойчивости инвариантной структуры и топологической конструкции базилики. В экспериментах с архофункцией (сценарием

доминирования формы над функциональной программой) план может быть изображен как чертеж с нанесенной цветной векторной диаграммой, а затем подвергнут физическим манипуляциям – вплоть до трехмерных трансформаций.

То есть, плоское изображение изгибается или скручивается в процессе эксперимента, но при этом структурная диаграмма не перестает выдавать свое зримое присутствие в форме. Более сложные действия совершаются с планами, соединенными в многоуровневые модели, но для демонстрации принципа устойчивости инвариантной структуры, мы ограничились манипуляциями с одним единственным уровнем. Следующим показательным действием с планом становится замена конкретного прототипа на его стилистическую девиацию, представленную, к примеру, каким-нибудь современным проектом: будь это монастырь Ля Туррет Ле Корбюзье, зигзагообразный план Музея Холокоста в Берлине Либескинда, или Музея Гугенхайма в Бильбао (рис. 10) [5].

Парадоксы и привлекательность формального эксперимента в аспекте архофункции как феномена проектного поиска

Трансформация структуры базилики как инвариантного прототипа дома и города преследует цель усиления роли формального и одновременно типологического эксперимента, то есть – актуализирует феномен архофункции. По сути, формальный эксперимент порождает особую обстановку и атмосферу осуществления тех или иных действий, «пространственное обрамление» которых (по С. Анвину) [6] позволяет уйти от банального воспроизведения привычного

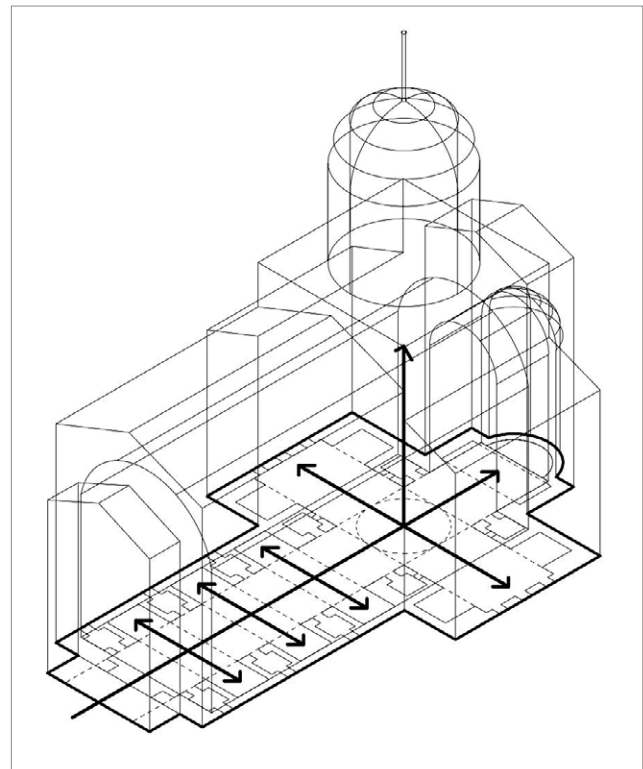

Рис. 8. Схема организации пространства базилики. Жесткая симметричная структура организации пространства базилики напоминает о неизменной сущности деятельности: движения к некой цели с соблюдением принципов сопутствующего обеспечения и возможностей выбора.

образа функции. Архофункция всегда индивидуализирует архитектурное влияние на процессы, понимание которых мы ассоциируем с рядом устойчивых представлений. Подобная индивидуализация обусловлена контрастным, нюансным, фантастическим, игровым и иными способами архитектурного выражения.

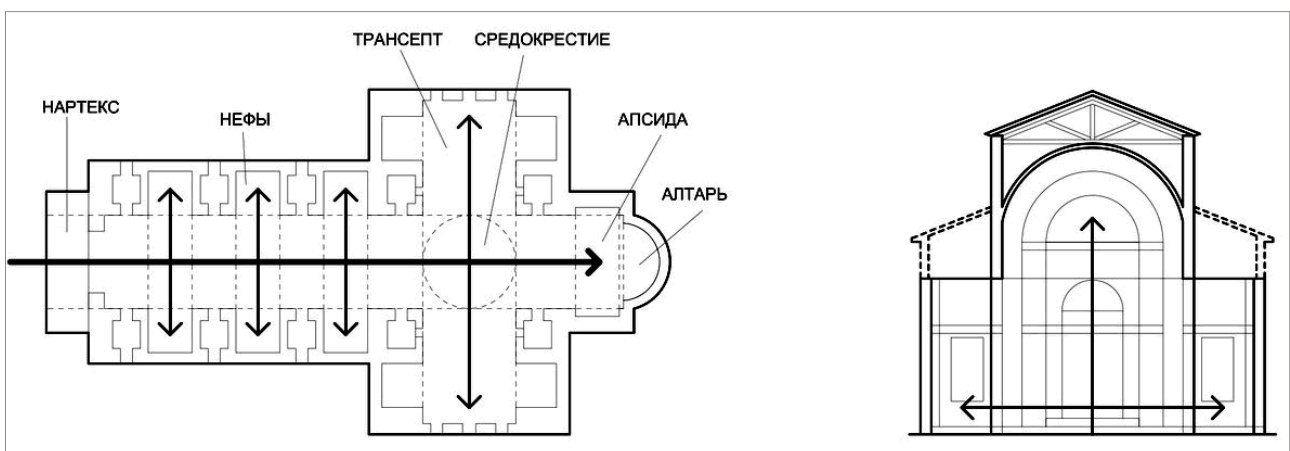

Рис. 9. Схема устойчивой инвариантной структуры плана базилики и сечение. Так как купол неизменно устанавливается над средокрестием, это дает нам подсказку, что все главное свершается именно на перекрестке, когда мы останавливаемся в раздумье перед алтарем.

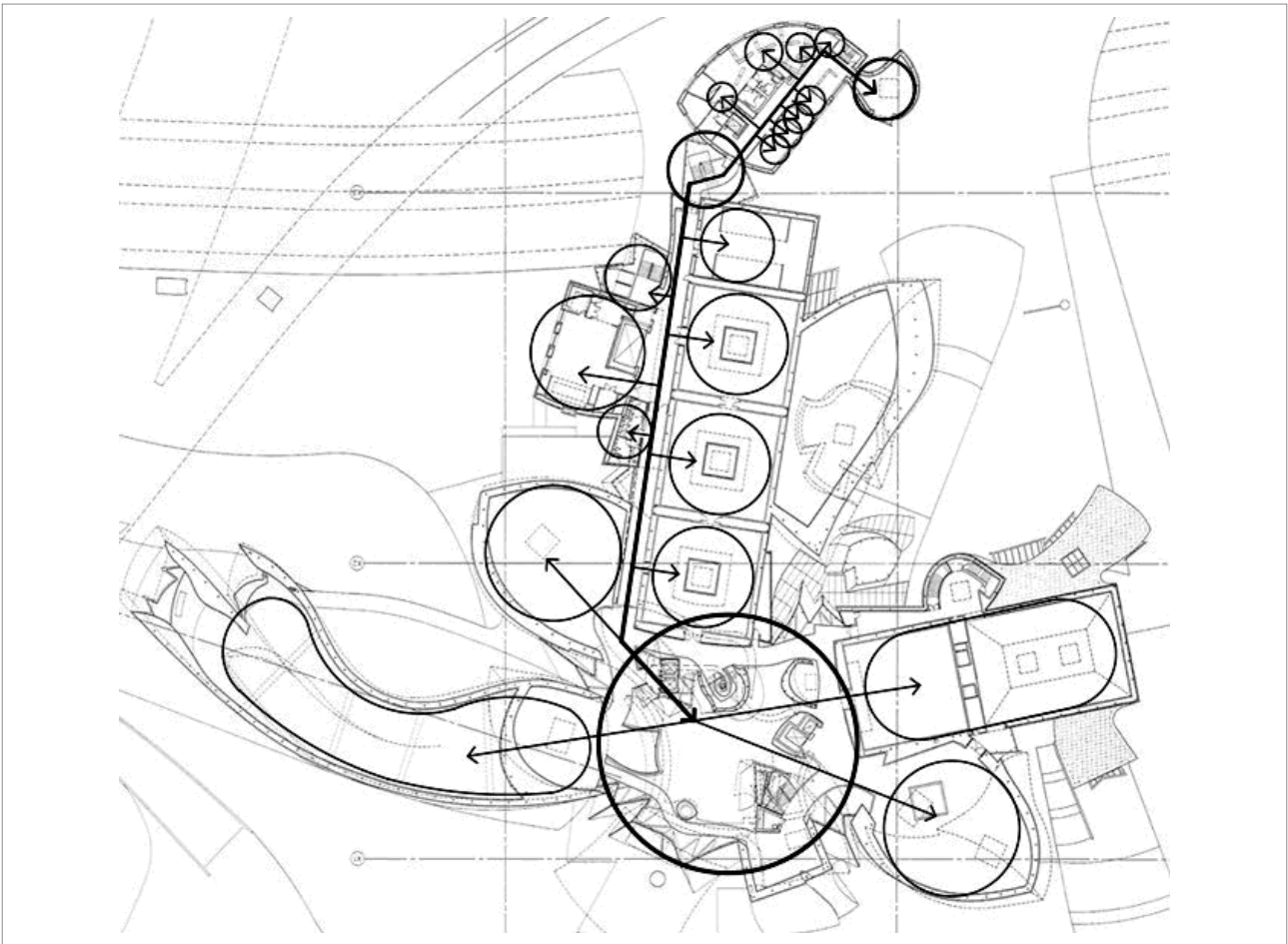

Рис. 10. Схема, демонстрирующая устойчивость инвариантной структуры базилики на плане Музея Гуггенхайма в Бильбао. Столкновение форм, стихийные движения оболочек, скульптурные жесты, экспрессия, - все эти приемы формообразования, присущие Фрэнку Гери, удивительным образом не противоречат традиционной структуре, но позволяют посетителю на какое-то время отвлечься от жесткого функционального сценария повседневности.

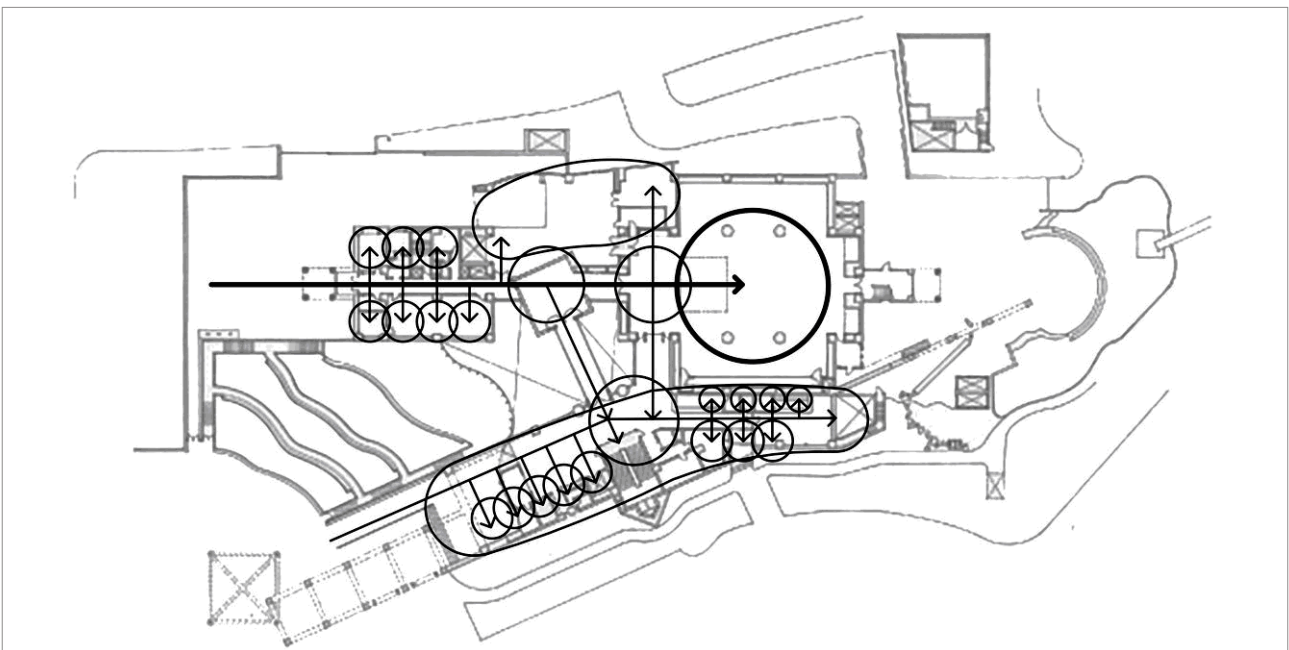

Рис. 11. Выявление структуры базилики в плане Музея Современного искусства в Нагоя. Пространство музея ставит нас перед дилеммой: или мы имеем дело с двумя базиликами, или в роли центрального нефа выступает каскадный двор.

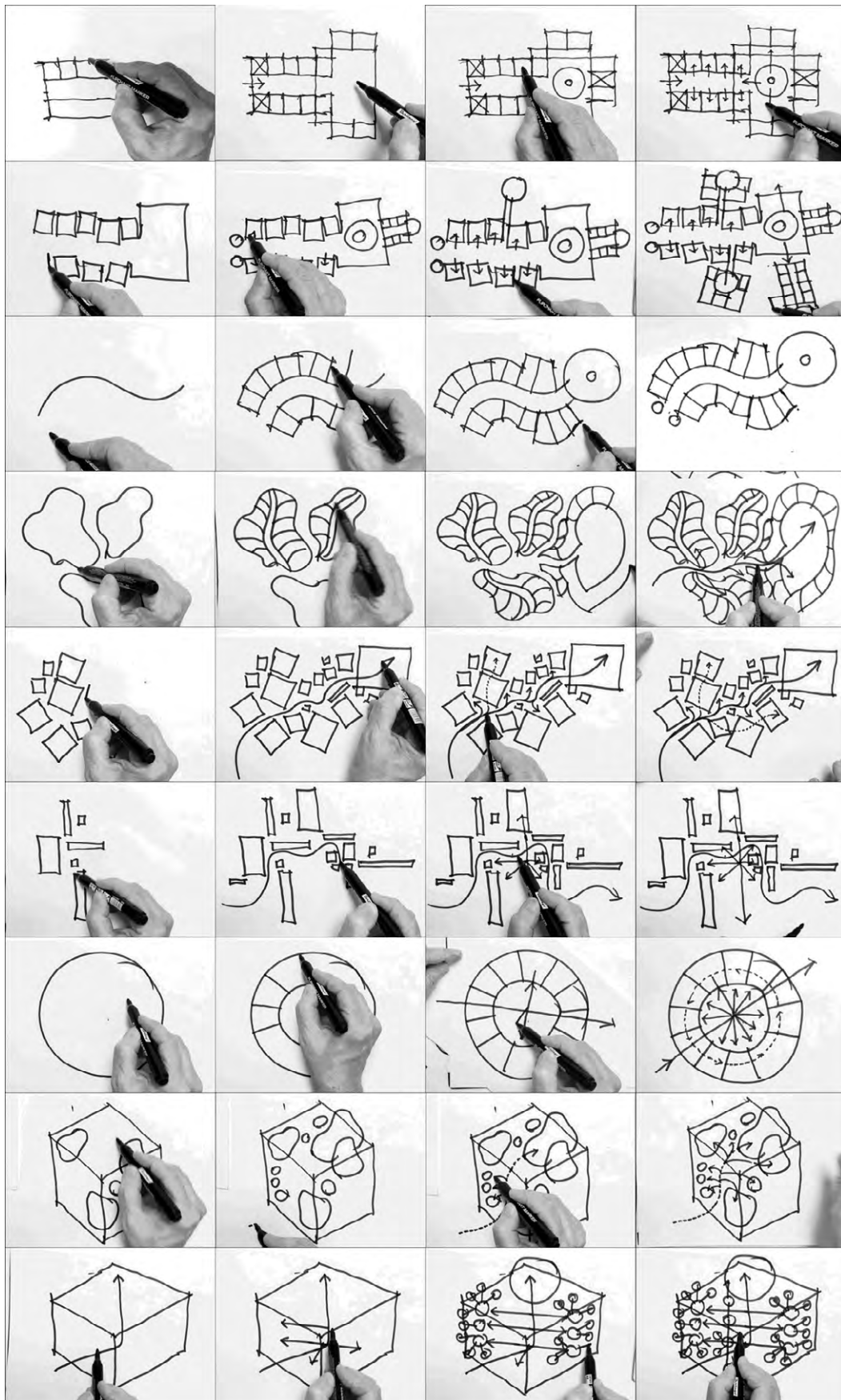

Рис. 12. Быстрый эксперимент с прорисовкой диаграмм, доказывающих тщетность усилий проектировщика избежать демонстрации структуры целеполагания в любой приемлемой модели культурной формы пространства.

Компромисс инварианта и новой формы как способ эффективного синтеза архофункции

Формальный эксперимент таит опасность разрушения устойчивой инвариантной структуры базилики, что может спровоцировать функциональный хаос. В самом контрастном варианте действий с архитектурной формой структура базилики представляет крайне любопытный элемент всей системы объекта, так как выявление этого элемента одновременно приветствуется и отвергается. Это объясняется стремлением авторов концептуальных проектов сохранить дух нецелесообразности и приключения наперекор прагматическим основаниям исходного прототипа. Скульптурные методы отвлеченного моделирования, принятые композиционным методом за основу телесно-чувственной практики формообразования [7], поддерживают принцип вторичности функции по отношению к форме, что порождает парадоксальные варианты синтеза функциональных сценариев и архитектурной сценографии, как например – в проектах «Дэй Гилберт», «Гнезда для горожан», или «Зеленый Завод» [8]. Дух приключения доминирует в этих проектах. Проблема заключается в том, чтобы функциональные взаимосвязи все равно оказались осуществимы. В силу этой задачи, формальный эксперимент лишь обостряет инициативу автора проекта в поиске наиболее оригинального синтеза формы и функции, и в этом смысле – привлекает особое внимание к концепции компромисса элементов этой неразрывной диады.

4. Демонстрация консервативного поведения структуры инвариантного кода.

В серии быстрых скетчей нами продемонстрирована идея устойчивости иерархической организации структуры плана, начиная от узнаваемого плана базилики и традиционного города и заканчивая биоподобной формой (рис. 12). Две пространственные модели, добавленные к общему диаграмматическому ряду, показывают, как в случае с проектом Херцбергера, что в оптимизированной версии формообразующего алгоритма план лишь одного уровня перестает объяснять наглядно, как в действительности организована структура объекта. Диаграмма инвариантного кода в трехмерной модели превращает процесс расследования структуры в увлекательный аналитический поиск. Во многих случаях, когда реализация проекта обязывает сохранять ясный

коммуникативный сценарий, авангардная форма вынуждена «просить перемирия» у традиционной структуры. Соответственно архитекторам приходится моделировать модель компромисса между кодами Функционального Ордера (традиционной культуры) и Супрематического (культуры авангарда). Преимущество бинарной формы заключается в осознании важности предварительного разделения кодов перед тем, как будет найдена формула компромисса. Строгость иерархии и свобода спонтанной формы – два разных типа архитектурного сообщения, и поэтому они требуют сохранения артикулированного диалога двух субъектов – двух типов кода. Вопрос современной архитектуры во многом заключается в разрешении этого компромисса.

Выводы:

1. План – важнейшая проекция архитектурной модели объекта. Действия архитектора-автора, направленные на поиск сценария архофункции, в первую очередь, отражаются на форме плана. Важнейшей информацией, содержащейся в этом типе архитектурных проекций, является сообщение по поводу функционального кода пространства, или – структуры. Прочтение подобного сообщения является легкой или трудно выполнимой задачей, что сказывается на функциональных качествах объекта.

2. Как показывает анализ, наиболее устойчивым типом подобного сообщения является структура, обладающая генеративными и топологическими признаками элементов традиционного города. Эти элементы выстраиваются в иерархическую систему, что обеспечивает выполнение функциональных программ, соотносящихся с идеей целелогаания.

3. В компактном виде подобная устойчивая структура воплощается в построении пространства базилики виде трёхчастной организации плана, артикуляцией «главной улицы» и «боковых» элементов («домов»), «центральной площади» и «перекрестка». На основе простейшей базилики в процессе эволюции этого универсального типа объектов возникли и сложились многие другие типологии общественных объектов и пространств, универсальным образом реагирующих на любые функциональные, а также формальные трансформации.

4. Дом, являющийся масштабной, функциональной и метафизической оппозицией городу,

находится на противоположной чаше «весов Беранже», в то время как базилика играет роль центрального опорного узла. Дом интерпретирует коды города, но использует базилику в качестве идеального объекта-посредника.

5. Более сложным для прочтения типом структуры является организация плана, основанного на спонтанной или метрической сетке с невыраженными иерархическими и топологическими признаками инварианта. Такие типы формы присущи современной и авангардной архитектуре, одним из примеров которой послужили объекты Херцбергера, концептуальному замыслу которого парадоксальным образом присущи идеи «структуры как сообщения».

6. В других примерах современная архитектура еще в большей степени стремится отойти от очевидных признаков универсального кода, то есть от «базилики как инварианта структуры».

7. Объекты современной архитектуры ориентированы на пространственное приключение в большей степени, чем традиционные. Приключение, происходящее из архофункции (формального эксперимента) во многих случаях становятся естественным результатом формального поиска, приводящего к тому, что план передает свои прежние «программы трансляции кода» внутрь и вовне трехмерных моделей.

8. Тем не менее, более корректной методологической установкой – по сравнению с произвольным формообразованием, следует считать принцип осознанного компромисса кодов традиционной и авангардной культуры.

9. Бинарное моделирование архитектурной формы и архофункции предпочтительно для постсовременной практики архитектурного формообразования в силу того обстоятельства, что основой культурного сообщения становится трансляция диалога кодов, а не их потери или вытеснения одного кода другим.

10. Суммируя вышесказанное, отметим следующие основные аспекты: 1) базилика как типологический и исторический прецедент архитектурной истории максимально аккумулирует свойства инвариантной пространственной организации структуры любого объекта архитектурной деятельности; 2) топологические свойства базилики как инварианта обнаруживают свою устойчивость в формальных и типологических экспериментах любого типа при условии сохранения неразрывности векторной диаграммы взаимосвязей и взаимной иерархии инвариантного комплекта структурных

элементов; 3) формальный эксперимент с инвариантной структурой ориентирован на актуализацию феномена архофункции – пространственного приключения и переживания «атмосферы необычного», – но обязывает автора архитектурной модели обращать особое внимание на исследование и конструирование компромисса в бинарной оппозиции отвлеченной формы, игрового сценария с рациональной организацией деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боков А.В. Категория культурного ландшафта // *Техническая Эстетика*, 1982, №8.
2. Colquhoun, Alan. *Centraal Beheer. Collected essays in architectural criticism*. Introduction by Kennet Frampton. Black Dog Publishing, London. UK. 2009).
3. Della Arcitettura della Pittura e della Statua. L.B. Alberti. 1782 (Десять книг о зодчестве. Альберти Л.Б., 1935).
4. Hugo Hering in Seiner Zelt. Bauen in Unserer Zelt. Symposium und Ausstellung. Biberch A.D. Riss, Mai 1982
5. Малахов С.А. Категория отвлеченной формы в структуре композиционного метода проектирования. *Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура*. 2015. № 4 (21). С.37-42.
6. Анвин, Симон. *Основы архитектуры*. Simon Unvin. *Analysing Architecture*. Third addition. Routledge. London and New York, 2009. Пер. на русский язык ООО Издательство «Питер», 2012.
7. Малахов С.А. Композиционный метод проектирования. Приоритет телесного опыта в процессе формальной интерпретации прототипа. «Дом – город» как исходная формула архитектурного объекта. *Известия Самарского Научного Центра Российской Академии Наук*. 2013. Т.15. №2, С. 249–255.
8. Малахов С.А., Боранов С.С. Возникновение архофункции вследствие формальной трансформации «стандартного» разреза объекта. // *Innovative Project*, 2017, T.2, №1, С. 69-82.

REFERENCES

1. Bokov A.V. Category of cultural landscape // *Technical Aesthetics*, 1982, №8.
2. Colquhoun, Alan. *Centraal Beheer. Collected essays in architectural criticism*. Introduction by Kennet Frampton. Black Dog Publishing, London. UK. 2009).
3. Della Arcitettura della Pittura e della Statua. L.B. Alberti. 1782 (Десять книг о зодчестве. Альберти Л.Б., 1935).
4. Hugo Hering in Seiner Zelt. Bauen in Unserer Zelt. Symposium und Ausstellung. Biberch A.D. Riss, Mai 1982
5. Malakhov S.A. The category of abstract form in the structure of the composite design method. *Bulletin SHASU. Urban planning and architecture*. 2015. № 4 (21). pp. 37-42.
6. Simon Unvin. *Analysing Architecture*. Third addition. Routledge. London and New York, 2009.

7. Malakhov S.A. Composite design method. The priority of bodily experience in the process of formal interpretation of the prototype. "House - city" as the initial formula of an architectural object. News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. T.15. №2, pp. 249–255.

8. Malakhov S.A., Boranov S.S. The emergence of archofunction due to the formal transformation of the «standard» section of the object. // Innovative Project, 2017, V.2, №1, pp. 69-82.